

**ОСКОЛКИ РАЗБИТОГО ВДРЕБЕЗГИ:
НЕОТРОЦКИСТЫ И НЕОСТАЛИНИСТЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ***

С. А. Сергеев

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

А. В. Кузнецова

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Российская Федерация, 420015, Казань, ул. К. Маркса, 68

В статье рассматривается появление, развитие и современное состояние двух групп российских радикальных левых, часто не замечаемых исследователями политического ландшафта России: неотроцкистов и неосталинистов. Генезис неотроцкистских и неосталинистских партий и групп имел различный характер. Неотроцкистские движения и группы (Революционная рабочая партия, Российское социалистическое движение, «Социалистическая альтернатива») формировались снизу, под влиянием международных троцкистских организаций, и состоят преимущественно из молодежи. Большинство этих организаций — это организации демократических социалистов, сохраняющих связь с марксистской традицией. Неосталинистские партии, напротив, появлялись в результате распада КПСС (Все-союзная коммунистическая партия большевиков, Российская коммунистическая рабочая партия) или же выхода из Коммунистической партии Российской Федерации (коммунистическая партия «Коммунисты России», Объединенная коммунистическая партия). Авторами также анализируются факторы, обуславливающие маргинализацию российских радикальных левых. Социально-экономическое состояние российского общества далеко от тяжелого экономического кризиса, который мог бы способствовать популярности левого радикализма. Демографический фактор способствует упадку неосталинистских партий, но мало влияет на неотроцкистские группы. Не может не влиять на маргинализацию российских радикальных левых и курс на максимальное сохранение статус-кво, являющийся императивом российской внутренней политики. Возможно, одним из главных факторов, блокирующих развитие радикальных левых в России, является приверженность значительной их части советскому опыту и игнорирование опыта западных левых. Преданность советскому опыту позволяет российским левым, как умеренным, так и радикалам, сохранять свою социальную базу, но не позволяет им шагать в ногу со временем и предлагать новые цели и новую тактику их достижения.

Ключевые слова: левые радикалы, коммунизм, троцкизм, неосталинизм, *Левый фронт*.

* Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007–2018 гг.: сравнительный анализ»).

ВВЕДЕНИЕ

Термин «троцкизм», изобретенный в годы первой русской революции П. Миллюковым и использованный в ходе внутривнутрипартийной борьбы в ВКП(б) в 1920-е годы для шельмования сторонников Л. Троцкого и левой оппозиции, надолго стал в СССР словом-«пугалом», ярлыком для несогласных, делающим ненужным использование рациональных аргументов и исключающим дискуссии. При этом следует отметить, что «троцкист», «троцкизм» — слова-экзонимы, как правило, не характерные для дискурса сторонников Л. Троцкого и созданного им IV Интернационала; они предпочитали выражения «большевики-ленинцы», «революционные марксисты» и т. п.

Практически все сколько-нибудь значимые фигуры, принадлежавшие к левой оппозиции 1920–1930-х годов и в особенности к окружению Л. Троцкого, были физически уничтожены. Те из них, кто случайно уцелел и смог оставить воспоминания (Л. Абрамович, М. Байтальский, Г. Григоров, М. Павлов), были в 1920-е годы студентами и не входили в актив левой оппозиции; после освобождения о продолжении ими политической деятельности в какой-либо форме не могло быть, конечно, и речи.

Официальная советская идеология начиная с 1920-х годов рассматривала троцкизм как один из самых страшных политических грехов. Но, несмотря на это (а может быть, и поэтому), еще с 1960-х годов диссидентские социалистические группы в СССР испытывали влияние троцкизма или же приходили к выводам, в чем-то схожим с выводами Троцкого и его последователей [Будрайтскис, 2017, с. 48–51, 68–69, 75].

Впрочем, западноевропейские исследователи также нечасто делают предметом исследования современные неотроцкистские организации [Kelly, 2018].

Неосталинистские партии и организации в России (особенно если мы возьмем организации более радикальные, чем КПРФ), как ни странно, становились предметом исследования ненамного чаще [Тарасов, Черкасов, Шавшукова, 1997; Холмская, 1998]. Большинство этих работ относятся к 1990-м годам и анализируют лишь первое десятилетие существования этих организаций в условиях многопартийности.

Вместе с тем маргинальное положение радикальных левых не должно быть причиной их игнорирования. Развитие политического процесса в ряде стран Западной Европы (в первую очередь Греции и Испании, в той или иной мере — Франции и Португалии) наглядно показывает, что в ситуации социально-экономического кризиса и падения популярности «старых» социал-демократических партий небольшие леворадикальные группы могут стать центрами кристаллизации левопопулистских движений, а впоследствии и леворадикальных партий, претендующих на электорат социал-демократов и коммунистов и даже на формирование правительства («Подemos» и СИРИЗА). В силу этого западноевропейские исследователи в течение последних 10–15 лет стали заметно чаще обращаться к проблематике радикальных левых [Chiocchetti, 2017; Left radicalism..., 2020; Podemos..., 2018; The Populist Radical Left..., 2019].

Цель данной статьи состоит в выявлении основных особенностей двух названных выше групп российских радикальных левых, для чего необходимо рассмотреть их генезис, развитие и современное состояние, а также объяснить причины маргинализации этих групп. Эмпирической базой исследования стали программные документы российских неотроцкистских и неосталинистских групп и партий, сообщения и заявления, сделанные их руководящими органами, а также выступления партийных активистов и судебные решения, определяющие правовой статус некоторых из рассмотренных организаций. В качестве основного метода авторы использовали дискурс-анализ, понимая дискурс как определенный текст, написание или произнесение которого обусловлено политическими, социальными и иными факторами, причем основное внимание было обращено на различные вариации неотроцкистского и неосталинистского дискурсов, сопоставляемые при помощи сравнительного метода.

НЕОТРОЦКИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ГРУППЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

На появление и развитие неотроцкистских организаций в России влияли преимущественно три международных альянса: Воссоединенный Четвертый интернационал, созданный в 1974 г. Комитет за рабочий интернационал (КРИ), с 2020 г. принявший название «Международная социалистическая альтернатива», и Комитет за марксистский интернационал (с 2006 г. — «Международная марксистская тенденция»). Теоретические взгляды руководства этих трех организаций отличаются (по крайней мере, для внешнего наблюдателя) не очень существенно: они являются сторонниками теорий перманентной революции и деформированного рабочего государства, выдвинутых еще Л.Д.Троцким. Разногласия внутри Воссоединенного Четвертого интернационала, приведшие к выходу из него ряда организаций и образованию Комитета за рабочий интернационал, касались характеристики режимов, возникших в результате китайской и кубинской революций (можно ли рассматривать их как «деформированные рабочие государства» или нет), а также советско-китайского противостояния.

Раскол в КРИ, приведший к появлению «Международной марксистской тенденции», был вызван дискуссиями о целесообразности тактики энтризма — вступления троцкистских групп в массовые социал-демократические и рабочие партии с тем, чтобы вести работу в них и от их имени (Пабло, один из лидеров Четвертого интернационала, предложивший эту тактику в начале 1950-х годов, рассматривал ее как вариант осуществления политики единого фронта). В начале 1990-х годов большинство входивших в КРИ организаций решили отказаться от тактики энтризма, но меньшинство во главе с Т.Грантом с ними не согласилось и основало Комитет за марксистский интернационал.

Под влиянием КРИ в СССР в 1990 г. был создан Комитет за рабочую демократию и международный социализм (КРДиМС). В результате расколов КРДиМС появились организации «Социалистическое сопротивление» (1998), Революционная рабочая партия (РРП, 1999) и Социалистическое движение «Вперед» (2005). Все они рано или поздно порывали с КРИ: РРП стала российской секцией Комитета за марксистский интернационал, а Социалистическое движение

«Вперед» — секцией Воссоединенного Четвертого интернационала. В 2011 г. «Социалистическое сопротивление», порвавшее с КРИ в 2009 г., и Социалистическое движение «Вперед» создали Российское социалистическое движение (также связанное с Воссоединенным Четвертым интернационалом). Кроме них, в России действуют «Социалистическая альтернатива» (секция «Международной социалистической альтернативы», экс-КРИ) и небольшие разрозненные группы, связанные с «Международной социалистической тенденцией».

Из трех существующих сегодня в России неотроцкистских организаций наиболее догматичной выглядит РПП, сохранившая в своей программе тезисы о необходимости установления диктатуры пролетариата и построения коммунистического общества. (Возможно, поэтому в 2014–2015 гг. она входила в Объединенную коммунистическую партию.) В то же время в программу РПП не включены ключевые утверждения Троцкого о «деформированном пролетарском государстве» и роли бюрократии в СССР [Программа «Революционная рабочая партия», 2016].

В программе «Социалистической альтернативы» этим положениям отведено важное место, как и обоснованию необходимости борьбы с капитализмом. В то же время термин «коммунизм» в ней отсутствует, а «система переходных требований» изложена довольно вяло и скромно: «...установить минимальную оплату труда 300 руб./час для всех работников... Остановить империалистические войны и оккупации... Ввести во всех отраслях систему демократического рабочего контроля» (именно в таком порядке) [Программа секции МСА в СНГ, 2021]. Авторы программы РСД также отказались от использования понятий «диктатура пролетариата» и «коммунизм», предпочтя последнему социализм, понимаемый как «самоуправляемое общество равных», где нет классовых и национальных границ, расовой и гендерной дискриминации [Программа Российского социалистического движения, 2021]. Путь к нему они видят в усилении политической демократии, развитии всех форм собственности, переходу к демократической плановой экономике. В то же время скрытая цитата из «Манифеста Коммунистической партии» о том, что «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», должна подчеркивать связь с марксистской традицией. Гендерные и экологические требования также представлены лишь в программе РСД (хотя активистками СА создано движение «СоцФем Альтернатива»).

Большинство неотроцкистских организаций в России 2000–2010-х годов — это организации демократических социалистов, сохраняющих связь с марксистской традицией. На фоне национал-большевиков или «Авангарда красной молодежи» они выглядели весьма скромно; впрочем, это обстоятельство, возможно, помогло им избежать того разгрома, который потерпели правые и левые радикалы в 2010-е годы.

НЕОСТАЛИНИСТСКИЕ ПАРТИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В посвященной леворадикальным неотроцкистским и неосталинистским организациям статье мы не будем специально рассматривать Коммунистическую партию Российской Федерации: по сравнению с ними она была и более

умеренной, и более приспособленной к политическим изменениям и современным экономическим условиям России. Прежде всего КПРФ признала частную собственность как малых, так и крупных предприятий. КПРФ утверждала, что Россия больше не в состоянии пережить очередную революцию, очевидно, предполагая, что любая национализация (или деприватизация) собственности приведет к кровопролитию. И наоборот, левые фундаменталисты выступают за классовую борьбу, ликвидацию частной собственности, диктатуру пролетариата, отстаивая коммунистические догмы 1920–1940-х годов. Но, несмотря на все различия, и КПРФ, и коммунисты-фундаменталисты симпатизируют сталинизму и продолжают эволюционировать от марксизма-ленинизма к национализму и консерватизму [March, 2012, p. 129–130]. Более того, будучи парламентской партией и наиболее оппозиционной из парламентских, а также воплощая советскую «историю успеха», а также вбирая как консервативно-имперские, так и леворадикальные элементы, КПРФ блокирует появление других левых проектов, в первую очередь более радикальных.

В отличие от неотроцкистских организаций, создававшихся снизу, фундаменталистские и неосталинистские компартии стали результатом распада КПСС в начале 1990-х годов или же отколов от КПРФ в более поздний период. Для них характерно преклонение перед советским опытом, включая сталинизм. Они непримиримо настроены по отношению к существующему в Российской Федерации режиму, придают большое значение солидарности рабочего класса (хотя только Российская коммунистическая рабочая партия и связанная с ней партия РОТ ФРОНТ, о которых будет сказано ниже, имеют какие-то связи с трудовыми коллективами и принимают участие в организации забастовок), крайне консервативны и, как правило, относятся враждебно к темам ксенофобии или гендера или просто игнорируют их.

Первой такой фундаменталистской организацией, возникшей после запрета КПСС, была Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (ВКПБ) Нины Андреевой, ставшей известной после публикации в 1988 г. статьи «Не могу поступаться принципами», воспринятой как антиперестроечный манифест. После этой публикации вокруг Нины Андреевой стали собираться ортодоксы-сталинисты, в 1989 г. создавшие общество «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы». Это общество, а также часть Большевицкой платформы в КПСС (образованной также по призыву Андреевой) стали организационной базой ВКПБ [Верховский, Папп, Прибыловский, 1996, с. 235–236].

Если в первой половине 1990-х годов ВКПБ поддерживала контакты с другими леворадикальными организациями, то впоследствии превратилась в малочисленную секту, которая живет своей внутренней жизнью, максимально отгораживаясь от внешнего мира, не участвуя в выборах и поддерживая контакты с немногочисленными единомышленниками за рубежом (КНДР, Куба, некоторые сталинистские компартии). В 1994–1995 гг. ВКПБ раскололась на ВКПБ Нины Андреевой и ВКПБ Александра Лапина.

После смерти Нины Андреевой в 2020 г. ВКПБ постиг еще один раскол: на ВКПБ Николая Дегтяренко (именно ему, согласно предсмертному письму Нины Андреевой, завещался пост Генерального секретаря ЦК ВКПБ [Информаци-

онное сообщение..., 2020]) и ВКПБ «группы товарищей», признавших письмо Нины Андреевой недействительным и обвинивших Дегтяренко в «антипартийной раскольнической деятельности» [Обращение секретариата..., 2020]. Вероятно, в ближайшее время продолжат существование три незарегистрированные карликовые компартии с одинаковым названием, схожими наименованиями партийной газеты («Большевицкий Серп и Молот», «Серп и Молот большевика» и «Рабоче-крестьянский Серп и Молот»), обвиняющими друг друга в предательстве дела коммунизма.

ВКПБ и отделившиеся от нее группы малочисленны и отличаются крайним сектантством, на протяжении последних 20 лет практически самоустранившись из политического процесса. Их идеологический дискурс, стремящийся как можно точнее воспроизвести дискурс поздней сталинской эпохи, можно назвать палеосталинизмом (в отличие от неосталинизма других коммунистических партий).

Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) образовалась почти одновременно с ВКПБ — в ноябре 1991 г. В отличие от ВКПБ, она активно участвовала в радикальных движениях и объединениях (в 1993 г. вошла в Союз коммунистических партий — КПСС), участвовала в думских выборах 1995 и 1999 гг. в составе блоков «Коммунисты — Трудовая Россия — за Советский Союз» (4,5%) и «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз» (2,22%).

В 1990-е годы (особенно в начале 1990-х) РКРП и «Трудовая Россия» были ударной силой советского реванша и могли собирать на свои митинги и демонстрации многотысячные экзальтированные толпы недовольных «шоковой терапией» и распадом СССР. Провал «красного реванша» повлек за собой сокращение сторонников. Но РКРП и «Трудовая Россия» продолжили борьбу, опираясь уже не столько на «улицу», сколько на те коллективы промышленных рабочих, с которыми смогли установить контакты их активисты.

Падение популярности леворадикалов побуждало их к объединению: в 2001 г. РКРП объединилась с Революционной партией коммунистов (РПК). Новая партия стала называться Российской коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов (РКРП — РПК), на выборах 2003 г. фактически блокировалась с КПРФ, а в 2007 г. была лишена статуса партии, став общественной организацией. (В 2012 г. съезд РКРП — РПК переименовал партию в РКРП-КПСС.)

Общественный подъем начала 2010-х годов, переросший в политические протесты, повлиял и на коммунистов-фундаменталистов. РКРП — РПК стала соучредителем новой леворадикальной партии «Российский Объединенный Трудовой Фронт» («РОТ ФРОНТ»), которая была учреждена в 2010 г., зарегистрирована в 2012 г., а в 2020 г. лишена регистрации [Решение Верховного Суда..., 2020; Апелляционное определение..., 2020]. Создана эта партия была прежде всего для того, чтобы притянуть к себе потенциальных сторонников вне коммунистических партий.

В отличие от ВКПБ, для которой характерны истовое преклонение перед Сталиным и минимальная публичная деятельность, сталинистский характер РКРП — РПК не носит столь вызывающего характера. Они даже склонны

критиковать сталинскую конституцию 1936 г. за отказ от производственного принципа формирования Советов и замену его территориальным. Программа также осуждает КПСС за отказ от диктатуры пролетариата, экономическую реформу 1965 г. и провозглашение надуманного этапа «развитого социализма», при этом Сталин — в положительном контексте — упоминается лишь единожды [Программа РКРП-КПСС, 2017]. В Программе партии «РОТ ФРОНТ» исторические экскурсы отсутствуют и основной акцент сделан на расширении прав трудящихся и демократизации политической системы. Конечной целью партии назван социализм, понятие «коммунизм» не используется [Программа политической партии «Российский Объединенный Трудовой Фронт», 2012]. РКРП и «РОТ ФРОНТ» также всегда стремились уделять внимание рабочему движению, взаимодействуя с оппозиционными профсоюзами (Межрегиональный профсоюз «Рабочая ассоциация» (МПРА), профсоюз «Защита труда» и др.).

Если в 1990-е годы КПРФ поглощала и/или включала фундаменталистские коммунистические организации и их активистов, то в 2000-е наметилась обратная тенденция: из КПРФ выходили как активисты, так и региональные организации. Одной из причин было недовольство слишком умеренной, как им казалось, политикой Г. А. Зюганова. В то же время эти расколы могла исподволь провоцировать и администрация президента России, заинтересованная в ослаблении КПРФ.

В 2004 г. 186 активистов КПРФ, собравшись на съезд в Голицыно (Московская область), провозгласили создание параллельной компартии — Всероссийской коммунистической партии будущего (аббревиатура ВКПБ также совпадает с названием коммунистической партии при Сталине в 1925–1952 гг. и с названием партии Нины Андреевой). Однако зарегистрировать ВКПБ они не смогли и в дальнейшем приняли участие в образовании коммунистической партии «Коммунисты России», созданной в 2011 г. (в 2009–2011 гг. «Коммунисты России» существовали как общественная организация).

«Коммунисты России» сочетают радикальную сталинистскую риторику (характерно, что их программа на думских выборах 2016 г. [Десять сталинских ударов...], а позже программа их кандидата на выборах президента России 2018 г. носила название «Десять сталинских ударов по капитализму») со вполне мирной парламентской деятельностью (в законодательных собраниях субъектов Российской Федерации у партии есть семь мандатов).

Как для «Коммунистов России», так и для КПРФ и РКРП (РКРП — РПК) характерно сочетание официального дискурса советской эпохи с консервативными и националистическими элементами, которые можно определить как неосталинизм. При этом для каждой из этих партий присущ собственный вариант этого дискурса. КПРФ делает акцент на усилении националистическо-консервативного элемента, РКРП (РКРП — РПК) — на том элементе, который можно назвать пролетарским и активистским. Что же касается «Коммунистов России», то их вариант неосталинского дискурса мы бы назвали имитационным.

Еще одним отколом от КПРФ является Объединенная Коммунистическая партия (ОКП), созданная в 2014 г. группой активистов КПРФ, возмущенных

отходом Зюганова от марксизма-ленинизма и превращением партии в механизм для получения руководством депутатских мест и личной выгоды.

ОКП заявляет о своей приверженности диктатуре пролетариата (особо отмечая, что стремится к диктатуре пролетариата, а не к «диктатуре над пролетариатом»), оценивает перестройку как «контрреволюцию», а существующую в современной России политическую систему — как «бонапартизм». Крайне негативно в программе ОКП оценивается течение в современном российском коммунистическом движении, для которого характерны «великодержавность, отказ от интернационализма, союз с церковью... постоянная тяга к образам и символам дореволюционного периода». Этому течению предъявляется тяжкое обвинение в фактическом смыкании с «национал-социализмом» [Программа Объединенной Коммунистической партии, 2019].

Одной из наиболее известных активисток ОКП является Дарья Митина (в 1995–1999 гг. депутат Госдумы от КПРФ), публицист и кинообозреватель, секретарь по международным связям партии. Ее попытки наладить контакты как со сталинистскими, так и с троцкистскими партиями подверглись резкой критике со стороны обозревателей информационного сайта Международного комитета Четвертого интернационала, по мнению которых, нельзя обсуждать восстановление Четвертого интернационала с человеком, возлагающим цветы к могиле Сталина [London, Van Auken, 2018; Вэн Оукен, 2018].

ПОДЪЕМ, УПАДОК И НОВЫЙ ПОДЪЕМ?

У большинства неосталинистских партий и групп были (и сохраняются) молодежные организации (для неотроцкистов или неоанархистов в подобных организациях нет необходимости: они и так состоят преимущественно из молодежи). Молодежная организация «Трудовой России» в 1999–2004 гг. называлась «Авангард красной молодежи» (АКМ) [Кузьмин, 2018]. С 2004 г. АКМ отделился от «Трудовой России», а в 2008 г. стал организационным ядром движения «Левый фронт». Адаптация европейского опыта левых радикалов и необходимость компромиссов внутри движения сделали «Левый фронт» по сравнению с АКМ более умеренным.

«Левый фронт» принял активное участие в общественном подъеме начала 2010-х годов, захватившем и либералов, и русских националистов, и левых радикалов (за исключением коммунистов-фундаменталистов). Окончание этого подъема, арест лидеров «Левого фронта» и разногласия по поводу внешней политики России в ближнем зарубежье привели к длительной стагнации в леворадикальной среде.

Признаки окончания периода стагнации стали заметны летом 2019 г. Волна протестов, поднявшаяся в связи с недопуском оппозиционных кандидатов на выборы в Московскую городскую думу, пробудила и коммунистов-фундаменталистов, и неотроцкистов [Крит, Раскольников, 2019]. Аналогичная ситуация сложилась и в начале 2021 г. На митинги 23 и 31 января 2021 г. вышли сторонники Революционной рабочей партии (РРП), Российского социалистического движения (РСД), Объединенной Коммунистической партии (ОКП), «Левого фронта»,

«Социалистической альтернативы» и других групп [Смирнова, 2021]. Тактику левых, возможно, наиболее полно сформулировали О. Журавлев и К. Медведев: необходимо участвовать в протестах, но при этом артикулировать собственную программу: «...это позволит левым не столько стать сильнее. Наша цель — не только переиграть Навального, но и сделать политику пространством споров о социальных интересах, политических программах и о будущем нашей страны» [Zhuravlev, Medvedev, 2021].

Выборы в Государственную думу 2021 г. показали, что среди левых, принадлежащих к разным организациям (или не принадлежащих ни к одной), появляются молодые лидеры, которые выступают как за социальное равенство, так и за демократические права и экологию. Преподаватель математики в МГУ Михаил Лобанов был выдвинут КПРФ, но позиционировал себя как независимый демократический социалист. Значительную роль в его предвыборной кампании сыграли активисты Российского социалистического движения и ряда других радикальных левых групп, традиционно критикующих КПРФ [Budraitskis, 2021]. И хотя М. Лобанов уступил кандидату «Единой России», его кампания оценивается как прорыв для демократических левых, демонстрирующая скрытый потенциал этого недооцененного в современной России сектора политического пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, что же маргинализирует российских неотрецкистов и неосталинистов, не позволяя им достичь успехов, сопоставимых с левыми радикалами Греции или Испании? Во-первых, следует отметить, что социально-экономическое состояние российского общества, к счастью, пока далеко от тяжелого экономического кризиса, который мог бы способствовать популярности левого радикализма (подобно тому, как кризис 2008–2010 гг. стимулировал развитие левого радикализма и популизма в Западной Европе и США). Необходимо учитывать и демографический фактор: доля пожилых людей, среди которых определенная часть является приверженцами сталинизма и неосталинизма, по естественным причинам уменьшается. Но на неотрецкистские и иные леворадикальные организации, состоящие преимущественно из молодежи, демографический фактор влияет скорее положительно. Не может не влиять на маргинализацию российских радикальных левых и курс на максимальное сохранение статус-кво, являющийся императивом российской внутренней политики [Гельман, 2021, с. 227–228]: для создания политической партии, тем более оппозиционной, недостаточно иметь много денег, много энтузиазма и много активистов. Необходимо убедить создателей и хранителей существующей политической системы, что новая партия аккуратно «впишется» в нее, а не станет «возмутителем спокойствия» и не запустит процесс изменений.

Но одна из причин, возможно, даже самая важная, — что главной «историей успеха» российских левых является советский опыт, который сводится к преклонению перед сталинскими или брежневскими временами. Пока что приверженность советскому опыту позволяет российским левым, как умеренным, так и радикалам, сохранять свою социальную базу, но она же блокирует

ет их дальнейшее развитие. Нельзя все время жить с головой, обращенной назад. Верность российских левых советским ценностям не позволяет им шагать в ногу со временем и предлагать новые цели и новую тактику их достижения. Старая критика капитализма исчерпала себя, но они продолжают твердить прежние догмы. Европейские радикальные левые модифицировали свою идентичность на протяжении всего XX в. и значительно изменили ее после падения Берлинской стены и исчезновения «реального социализма», в то время как российские левые партии пропустили ряд важных вех в своем развитии.

Одно из принципиальных различий между левыми радикалами Западной Европы с одной стороны и России — с другой состоит в том, что западные левые радикалы в гораздо большей мере восприняли и переработали опыт «новых левых», а также еврокоммунистов, критически относившихся не только к капитализму, но и к СССР и советскому марксизму. Российские левые радикалы в гораздо большей степени зависят от советского опыта и мировоззренческих установок, сложившихся в советскую эпоху. Поэтому, продолжая мысль Л. Марча о том, что российские левые постепенно становятся ближе к современным европейским образцам [March, 2013], можно предположить, что будущие левые радикалы могут вызреть в рамках партии «Справедливая Россия» или КПРФ, подобно тому, как Ж.-Л. Меланшон и некоторые другие западноевропейские левые радикалы вызрели в лоне социалистических партий. Но для этого нужно, чтобы сменилось поколение лидеров левых партий, находящееся в плену советского опыта и советского мировоззрения.

Литература

Апелляционное определение 16 июля 2020 г. по делу № АПЛ20-169. URL: <https://sudact.ru/vsrif/doc/JljlL6hUBimH/> (дата обращения: 09.11.2021).

Будрайтскис И. Диссиденты среди диссидентов. М.: Свободное марксистское издательство, 2017. 152 с.

Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. 356 с.

Вэн Оукен Б. «История никогда и никого ничему не учит». Российский неосталинист защищает аргентинскую Рабочую партию в деле «восстановления» Четвертого Интернационала // World Socialist Web Site. 2018. <https://www.wsws.org/ru/articles/2018/09/29/gafu-s29.html> (дата обращения: 11.05.2021).

Гельман В. Авторитарная Россия: Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. М.: Говард Рорк, 2021. 336 с.

Десять сталинских ударов по капитализму и американскому империализму! Текст программы и видеоролик. URL: https://komros.info/literature/desyat-stalinskikh-udarov/desyat-stalinskikh-udarov_8380.html (дата обращения: 11.11.2021).

Информационное сообщение о чрезвычайном пленуме ЦК ВКПБ 15 августа 2020 г. URL: <http://www.vkpb-skb.ru/images/11052019/09-2020-site.pdf> (дата обращения: 09.11.2021).

Крит Г., Раскольников Г. «Допускай и отпускай!» Москву охватывают протесты // Socialist News. 2019. № 5. С. 3–6.

Кузьмин В. Комсомол имени Летова. М.: Common Place, 2018. 294 с.

Обращение секретариата ЦК ВКПБ к членам и кандидатам в члены ЦК ВКПБ и ко всем членам партии «Об антипартийной раскольнической деятельности Секретаря ЦК ВКПБ Н. А. Дег-

тяренко» // Серп и Молот. 2020. № 9 (322). С. 3–4. URL: http://vkpb.ru/images/pdf/SiM/2020/serp_i_molot_09_20.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

Программа Объединенной Коммунистической партии. 2019. URL: <http://ucp.su/category/materialy-sezdov/5-programma-obedinennoj-kommunisticheskoy-partii-okp/> (дата обращения: 11.11.2021).

Программа «Революционная рабочая партия». 2016. URL: <http://rwp.ru/ppp/программа/> (дата обращения: 11.05.2021).

Программа политической партии «Российский Объединенный Трудовой Фронт». 2012. URL: <https://www.rotfront.su/program> (дата обращения: 11.11.2021).

Программа РКРП-КПСС. 2017. URL: <https://rkrp-rpk.ru/программа-ркрп-кпсс/> (дата обращения: 11.11.2021).

Программа Российского социалистического движения. 2021. URL: <http://anticapitalist.ru/programm/> (дата обращения: 11.11.2021).

Программа секции МСА в СНГ. 2021. URL: <https://socialist.news/isa/program-russia/> (дата обращения: 11.11.2021).

Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № АКПИ20-3. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/qoa5K1R74i6t/> (дата обращения: 11.05.2021).

Смирнова Е. Откуда красные флаги на акциях «Свободу Навальному». 2021. URL: <https://zanovo.media/программы-i-debaty/snachala-romogat> (дата обращения: 11.05.2021).

Тарасов А., Черкасов Г., Шавшукова Т. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М.: Институт экспериментальной социологии, 1997. 232 с.

Холмская М. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции. М., 1998. URL: <http://libelli.ru/works/holmskaya.htm> (дата обращения: 09.11.2021).

Budraitkis I. Russia Has a New Socialist Movement. An interview with Mikhail Lobanov // Jacobin. 2021. URL: <https://jacobinmag.com/2021/10/mikhail-lobanov-russia-communist-party-new-left-putin> (дата обращения: 11.11.2021).

Chiocchetti P. The radical left party family in Western Europe, 1989–2015. Abingdon: Routledge, 2017. 244 p. <https://doi.org/10.4324/9781315622057>

Kelly J. Contemporary Trotskyism. Parties, Sects and Social Movements in Britain. London; New York: Routledge, 2018. 448 p.

Left radicalism and populism in Europe. Ed. by G. Charalambous, G. Ioannou. Abingdon; New York: Routledge, 2020. 270 p.

London E., Van Auken B. Workers Party in Argentina seeks to “refund” Fourth International in alliance with Stalinism // *World Socialist Web Site*. 2018. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2018/06/07/crfi-j07.html> (дата обращения: 11.05.2021).

March L. Radical left parties in contemporary Europe. Basingstoke: Routledge, 2012. 288 p.

March L. The Russian left has barely emerged from the shadow of Stalin, but there are significant signs of change // The London School of Economics and Political Science. 2013. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2013/07/02/the-russian-left-has-barely-emerged-from-the-shadow-of-stalin-but-there-are-significant-signs-of-change/> (дата обращения: 11.11.2021).

Podemos and the New Political Cycle. Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics / ed. by O. G. Agustin, M. Briziarelli. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 299 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-63432-6>

The Populist Radical Left in Europe. Ed. by G. Katsambekis & A. Kioupiolis. Abingdon; New York: Routledge, 2019. 216 p.

Zhuravlev O., Medvedev K. Alexei Navalny’s Movement Reflects the Weakness of Russian Democracy // *Jacobin*. 2021. URL: <https://jacobinmag.com/2021/03/alexei-navalny-russia-opposition> (дата обращения: 11.05.2021).

Сергеев Сергей Алексеевич — д-р полит. наук, проф.; SASergeev@kpfu.ru

Кузнецова Александра Витальевна — канд. полит. наук, доц.; akuznets@alumni.nd.edu

Статья поступила в редакцию: 11 декабря 2021 г.;

рекомендована к печати: 15 февраля 2022 г.

Для цитирования: *Сергеев С. А., Кузнецова А. В.* Осколки разбитого вдребезги: нео-троцкисты и неосталинисты в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 2. С. 169–182. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.204>

SHARDS OF SHATTERED WORLD: NEO-STALINISTS AND NEO-TROTSKYISTS IN MODERN RUSSIA*

Sergey A. Sergeev

Kazan (Volga Region) Federal University,
18, ul. Kremlyovskaya, Kazan, 420008, Russian Federation; SASergeev@kpfu.ru

Alexandra V. Kuznetsova

Kazan National Research Technological University,
68, ul. K. Marksa, Kazan, 420015, Russian Federation; akuznets@alumni.nd.edu

The article examines the emergence, development, and current state of two Russian radical leftist groups often overlooked by political scholars of Russia: neo-Trotskyists and neo-Stalinists. The genesis of the neo-Trotskyist and neo-Stalinist parties and groups was of a different nature. The neo-Trotskyist movements and groups (Revolutionary Workers' Party, Russian Socialist Movement, Socialist Alternative) originated from below, under the influence of international Trotskyist organizations, and consist mainly of young people. Most of these are organizations of democratic socialists that maintain a connection with the Marxist tradition. The neo-Stalinist parties, conversely, emerged as a result of the collapse of the CPSU (All-Union Communist Party of the Bolsheviks, Russian Communist Workers' Party) or the secession from the Communist Party of the Russian Federation (Communist Party "Communists of Russia", United Communist Party). The authors also analyze the factors that contribute to the marginalization of the Russian radical left. The socio-economic state of the Russian society is far from a severe economic crisis, which could have contributed to the popularity of left-wing radicalism. The demographic factor contributes to the decline of neo-Stalinist parties, but has little effect on neo-Trotskyist groups. The orientation towards the maximum preservation of the status quo, which is an imperative to Russian domestic policy also influences the marginalization of the Russian radical left. Perhaps one of the main factors blocking the development of the radical left in Russia is the adherence of a significant part of them to the Soviet experience and their ignorance of the experience of the Western left. The devotion to the Soviet experience allows the Russian left, both moderate and radical, to maintain its social base, however prevents them from keeping up to date and proposing new goals and new tactics to achieve them.

Keywords: left radicals, communism, Trotskyism, neo-Stalinism, Left front.

References

Appeal of the Secretariat of the Central Committee of the VCPB to members and candidates for members of the Central Committee of the VCPB and to all members of the party "On the anti-party schismatic activity of the Secretary of the Central Committee of the VCPB N. A. Degtyarenko". *Serp i Molot*, 2020, no. 9 (322), pp. 3–4. Available at: http://vkpb.ru/images/pdf/SiM/2020/serp_i_molot_09_20.pdf (accessed: 11.05.2021). (In Russian)

Appellate ruling on July 16, 2020 in case no. APL20-169. Available at: <https://sudact.ru/vsrf/doc/JjJl6hUBimH/> (accessed: 09.11.2021). (In Russian)

* This work was supported with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-011-00198 "Evolution of radical left parties, movements and groups in France, Spain, Greece, Russia and Canada in 2007-2018: a comparative analysis").

Budraitskis I. *Dissidents among dissidents*. Moscow: Svobodnoye marksistskoye izdatel'stvo Publ., 2017. 152 p. (In Russian)

Budraitskis I. Russia Has a New Socialist Movement. An interview with Mikhail Lobanov. *Jacobin*, 2021. Available at: <https://jacobinmag.com/2021/10/mikhail-lobanov-russia-communist-party-new-left-putin> (accessed: 11.11.2021).

Chiocchetti P. *The radical left party family in Western Europe, 1989–2015*. Abingdon: Routledge, 2017. 244 p. <https://doi.org/10.4324/9781315622057>

Crete G., Raskolnikov G. "Let it go and let it go!" Moscow is gripped by protests. *Socialist. News*, 2019, no. 5, pp. 3–6. (In Russian)

Information message on the extraordinary plenary of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on August 15, 2020. Available at: <http://www.vkpb-skb.ru/images/11052019/09-2020-site.pdf> (accessed: 09.11.2021). (In Russian)

Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 27, 2020 no. AKPI20-3. Available at: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/qoa5K1R74i6t/> (accessed: 11.05.2021). (In Russian)

Gel'man V. *Authoritarian Russia: Escape from Freedom, or Why democracy does not take place in us*. Moscow: Govard Rork Publ., 2021. 336 p. (In Russian)

Kelly J. *Contemporary Trotskyism. Parties, Sects and Social Movements in Britain*. London and New York: Routledge, 2018. 448 p.

Kholm'skaya M. *Communists of Russia: Facts, ideas, tendencies*. Moscow, 1998. Available at: <http://libelli.ru/works/holmskay.htm> (accessed: 09.11.2021). (In Russian)

Kuzmin V. *Komsomol named after Letov*. Moscow: Common Place Publ., 2018. 294 p. (In Russian)

Left radicalism and populism in Europe, ed. by G. Charalambous, G. Ioannou. Abingdon and New York: Routledge, 2020. 270 p.

London E., Van Auken B. Workers Party in Argentina seeks to "refound" Fourth International in alliance with Stalinism. *World Socialist Web Site*, 2018. Available at: <https://www.wsws.org/en/articles/2018/06/07/crfi-j07.html> (accessed: 11.05.2021).

March L. *Radical left parties in contemporary Europe*. Basingstoke: Routledge, 2012. 288 p.

March L. The Russian left has barely emerged from the shadow of Stalin, but there are significant signs of change. *The London School of Economics and Political Science*, 2013. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/euoppblog/2013/07/02/the-russian-left-has-barely-emerged-from-the-shadow-of-stalin-but-there-are-significant-signs-of-change/> (accessed: 11.11.2021).

Podemos and the New Political Cycle. Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics, ed. by O. G. Agustin, M. Briziarelli. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 299 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-63432-6>

Program "Revolutionary Workers Party". 2016. Available at: <http://rwp.ru/ppn/программа/> (accessed: 11.05.2021). (In Russian)

Program of the ISA section in the CIS. 2021. Available at: <https://socialist.news/isa/program-russia/> (accessed: 11.11.2021). (In Russian)

Program of the political party Russian United Labor Front. 2012. Available at: <https://www.rot-front.su/program> (accessed: 11.11.2021). (In Russian)

Program of the RCWP-CPSS. 2017. Available at: <https://rkrp-rpk.ru/программа-ркрп-кпсс/> (accessed: 11.11.2021). (In Russian)

Program of the Russian Socialist Movement. 2021. Available at: <http://anticapitalist.ru/programm/> (accessed: 11.11.2021). (In Russian)

Program of the United Communist Party. 2019. Available at: <http://ucp.su/category/materialy-sezdov/5-programma-obedinennoj-kommunisticheskoy-partii-okp/> (accessed: 11.11.2021). (In Russian)

Smirnova E. Where did the red flags come from at the "Freedom to Navalny" actions. 2021. Available at: <https://zanovo.media/programmy-i-debaty/snachala-pomogat> (accessed: 11.05.2021). (In Russian)

Tarasov A., Cherkasov G., Shavshukova T. *The left in Russia: From moderates to extremists*. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., Publ., 1997. 232 p. (In Russian)

Ten Stalinist Strikes Against Capitalism and American Imperialism! Program text and video. Available at: https://komros.info/literature/desyat-stalinskikh-udarov/desyat-stalinskikh-udarov_8380.html (accessed: 11.11.2021). (In Russian)

The Populist Radical Left in Europe, ed. by G. Katsambekis & A. Kioupiolis. Abingdon and New York: Routledge, 2019. 216 p.

Van Auken B. "History never teaches anyone anything". Russian neo-Stalinist defends Partido Obrero's "refounding" of Fourth International. *World Socialist Web Site*, 2018. Available at: <https://www.wsws.org/ru/articles/2018/09/29/gafu-s29.html> (accessed: 11.05.2021). (In Russian)

Verkhovsky A., Papp A., Pribylovsky V. *Political extremism in Russia*. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., 1996. 356 p. (In Russian)

Zhuravlev O., Medvedev K. Alexei Navalny's Movement Reflects the Weakness of Russian Democracy. *Jacobin*, 2021. Available at: <https://jacobinmag.com/2021/03/alexei-navalny-russia-opposition> (accessed: 11.05.2021).

Received: December 11, 2021

Accepted: February 15, 2022

For citation: Sergeev S. A., Kuznetsova A. V. Shards of shattered world: Neo-Stalinists and neo-Trotskyists in modern Russia. *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 2, pp. 169–182. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.204> (In Russian)